

«Постигаю тайную отгадку...»

К 85-летию со дня рождения Алексея Пысина

Имя белорусского поэта Алексея Васильевича Пысина не обошли вниманием практически все ведущие национальные литературоведы (Р. Березкин, В. Бечик, Д. Бугаев, Н. Мищенчук и др.). Его творчество сравнивают с поэзией Аркадия Кулешова, Александра Твардовского, Федора Тютчева, прозой Василя Быкова. Вместе с тем А. Пысин – это уникальный поэт XX века, со своей неповторимо выстроенной системой образов, который заслужил право остаться в вечности. Самые значительные образы художественного мира А. Пысина напоминают о себе уже в первом сборнике “Наш дзень”, который сам автор позже признавал слабым. Со временем эти образы раскрываются, углубляются, снова повторяются в другом, скрытом, ракурсе. Они, на первый взгляд, кажутся традиционными для белорусской поэзии (земля, небо, вода, перелаз, дорога, город, лес, сосна, мурашка, ласточка...), но в контексте стихов поэта приобретают настоящую оригинальность. Поэзию А. Пысина можно читать, перечитывать и каждый раз находить незамеченную ранее деталь, поэтический штрих, художественный образ, а это свидетельствует о богатстве, неисчерпаемости мира поэзии.

Один из таких образов – «загадка», или «тайна». Он присутствует конкретно в нескольких стихотворениях, но прочитывается между строками многих произведений. На протяжении всего творчества А. Пысин очень последовательно и настойчиво стремится разгадать “тысячу загадок дня”, постичь смысл жизни и таинственность смерти, “пазнаць тайны тыя, // Што вядомы ўсім продкам маім...”.

Образ загадки интересен и сам по себе, а к тому же тесно переплетается с фигурой самого А. Пысина, который, кажется, был загадкой для своих современников и остается ей для сегодняшнего читателя. Воспоминаний об Алексее Васильевиче написано друзьями и знакомыми даже больше, чем литературоведческих исследований его творчества. Из них предстает облик А. Пысина, человека не очень разговорчивого, “он больше слушает,.. не очень рассказывает о своих стихах, а больше о том, кто написал что-то интересное, спешит “дать дорогу” молодому, радуется, когда... появится новое имя” (Степан Кухарев). Как это ни удивительно, Алексей Пысин не оставил после себя почти никакого архива. Во время поездки (летом 2004 года) в Могилев, где поэт долгое время жил и работал в редакции “Могилевской правды”, мне не удалось найти практически ни одной рукописи стихов, никаких записей или дневников. То же самое и в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, за исключением машинописных вариантов произведений и писем в редакции некоторых журналов. Возможно, сдержанный, молчаливый А. Пысин не желал, чтобы “в его черновиках кто-то копался... словно в грязном белье” (из воспоминаний друга В. Артемьева). Возможно, он считал, что все наблевшее и пережитое высказывает в поэтических произведениях, а к дневникам не стоит и обращаться. А может, что-то потерялось со временем, как предполагает двоюродный брат поэта Михаил Пысин. Так или иначе, только собственно художественные произведения, газетные очерки и несколько предисловий к сборникам других поэтов дают возможность рассуждать о мировоззрении писателя, о его стремлении раскрыть тайны бытия.

Самоуглубленность А. Пысина, замкнутость в своих мыслях – это совсем не романтический ореол, которым иногда окружает себя человек искусства. Исследуя особенности творчества и личности поэта, можно

предположить, что молчаливость Алексея Васильевича стала результатом пережитых военных событий. Когда началась Великая Отечественная война, А. Пысин находился в г. Бельске (Белостокское воеводство), куда в 1939-м году он, студент второго курса Минского института журналистики, был направлен литсотрудником уездной газеты. Связистом А. Пысин прошел военные дороги от самого начала до конца.

Литературоведы пробуют отгадать загадку: почему Алексей Пысин так долго не писал о войне? Только через двадцать мирных лет (книга “Мае мерыдыяны”, 1965 год) в его поэзии появился по-настоящему глубокий образ войны. Р. Березкин, а вслед за ним Л. Горелик, И. Шпаковский высказывают предположение, что только в 1960-е годы тема войны “вызрела в его чувствах и мыслях” (Р. Березкин), приобрела глубокое осмысление. В. Карамазов утверждает, что А. Пысин просто выпал с так называемого фронтового поколения писателей (М. Луконин, С. Наровчатов, С. Орлов, А. Межиров), к которому присоединяют поэта упомянутые исследователи. “У него была своя поэтическая судьба”, и в первые послевоенные годы это был еще начинающий автор, в сравнении с теми, кто прошел войну поэтами, а не только солдатами, как А. Пысин. Если “фронтовое” поколение писало о войне как в 40-е, так и в 50-е годы, то А. Пысин в послевоенное десятилетие еще не мог затронуть самую болезненную для него тему, потому что просто не хватало творческого опыта, профессионализма.

Вопрос в чем причина долгого молчания поэта-фронтовика со смертью А. Пысина, в принципе, стал риторическим. Вообще, в подобной ситуации необходим глубокий психоанализ творческой личности писателя. Думается, сама война, изведенные ужасы, горькая боль потерь, воспоминания о них вызывали страх у А. Пысина, нежелание говорить о пережитом, неуверенность, что люди поймут эту боль. В 1969-м году в стихотворении

“Память” поэт признается: “Абуджаецца боль... // Не магу // Перадаць усё гэта другому...”. Поэтому, возможно, некоторое время он прятался за “звонкой песней” о “родном крае в новой славе и красе”, как упоминается в автобиографии “З родных крыніц” (1959 год), которая нигде не печаталась и была щедро подарена мне Виктором Артемьевым.

После появления лучших сборников А. Пысина (“Мае мерыдыяны”, 1965, “Твае далоні”, 1967) его поэзию стали называть военной. Но такое определение не совсем конкретное, потому что сам автор видит объект собственного творчества в другом:

Пішу пра смерць, пра кроў,
Пішу я пра сяброў,
А іх жа, родных,
Хавалі на вайне,
Хавалі не ў труне,
І заветаў мне:
“Пра нас раскажаш...”

Смерть, ее отношения с жизнью человека; друзья, которые погибли, память о них; поиск места для мертвых в этом мире для их бессмертия – эти проблемы и загадки становятся центром поэтических рассуждений А. Пысина. И сам образ войны ассоциируется с концептом “смерть”. Творческая мысль поэта направлена не на внешнее воспроизведение фронтовых баталей, а на определение смертоносной функции войны. Война насильственно обрывает отмеренный каждому человеку отрезок жизни, порождает сплошную беспорядочность в гармонично созданном мире. Пысинские картины военной действительности передают аномальность времени, его

апокалипсичность: “Фантаны ўзляталі з пяском і жалезам”, “Выбухі ўстаюць бязліста, // Як марсіянскія кусты”.

Рядом с военными образами, которые выражают концепт “смерть”, в произведениях поэта находится место и для образов жизни. Так, в пысинское “топкае бяздонне” военных дорог врываются жизненные запахи “свежай смалы, бруснічніку, моху”; “далёкі тупат кананады”, громовые раскаты “бягуць, як сланы”, прерываются звуками “балалайкі ў тры струны”. В поэзии А. Пысина жизнь неотделима от смерти, эти два концепта сосуществуют на равных.

Свое понимание тайны жизни и смерти поэт пробует раскрыть в небольшом стихотворении “Спасцігаю тайную адгадку”: жить, чтобы оставить после себя добрые дела; умереть – чтобы уступить жизненный путь потомкам, которые в свою очередь должны сохранить и пользоваться мудрым опытом предыдущих поколений:

Спасцігаю тайную адгадку:

На вятрах цвілі мы, як касцёр,

І вялікі трэба нам прастор,

Каб сябе пасеяць па зярнятку.

Ўзыдзем запаветным хоць на камні

І глыбока уздыхнем касцёмі:

Жні, нашчадак, жні,

Касой касі,

Толькі здуру не тапчы нагамі.

А. Пысин никогда не ставит окончательных точек, его поэтический мир не замкнутый. Неслучайно глагол “спасцігаю” в стихотворении –

несовершенного вида. В поэтической концепции автора это не абсолютный вывод рассуждений о тайнах бытия. Пысинское понимание смысла жизни открывается во многих стихах: сеять доброту и любовь в мире, в своей душе для сохранения гармонии в самой жизни. Вместе с этим тайны смерти остаются для поэта многообразными, неоднозначными. «А ты боишься смерти?» -- спрашивал А. Пысин у своего друга Валентина Ермоловича и сравнивал, как относились к смерти человека в своих произведениях Лев Толстой и Янка Брыль.

Очевидно, что эта проблема интересовала поэта. Он никак не мог смириться с тем, что погибшие военные друзья должны бесследно исчезнуть с лица вселенной. И каждую минуту в своем творчестве искал путь их возвращения из небытия, даже если этот путь далекий от реальности: “О, каб сябрам // З-пад траў // І лесу // Туды – / Да той Жывой Вады...”. По этой причине в произведениях А. Пысина важное место занимает мотив памяти, которая обычно сохраняет и воскрешает образы умерших. Но поэту мало просто памяти, он ежеминутно путешествует в прошлое, к еще живым друзьям. Лирический герой А. Пысина находится в двух временных пространствах, в дне сегодняшнем и дне вчерашнем. Он едет в современном поезде и видит “бліндаж пад збітай цэглаю”, смотрит “на даўняе курганне” и чувствует себя снова солдатом перед боем: “Будзе сённяя бой. // На тым узгорку, // Можа я таксама упаду”. В Могилеве, где похоронен поэт, на сером надмогильном камне – строки из его стихотворения: “Ведайце: калі мяне не стане – // Я ў сваю дывізію пайшоў”.

Желание лирического героя А. Пысина встретиться с погибшими друзьями непреодолимое. И поэт находит еще один путь возвращения мертвых в этот мир – переселение их душ в “облики” растений. Согласно концепции автора, души бойцов перевоплощаются в “траву і гарыцвет”, в

“іван-чай”, становятся “пяском, травою, глінай”, “Дняпроўскай пушчай”, “травінкамі, лісцямі”, “дубамі”, иными словами, всем, что корнями связано с землей. Это не просто художественный прием, средство метафоризации, а целостная идея, которая проходит через все творчество А. Пысина. Причем поэт конкретно формулирует ее в своих произведениях: "Не трывожуся бязмерна, // Што сустрэнуся з зямлёй, // Возьме нас зямля і верне, // Тым, што сёння сніцца ёй". Размышления над возможностью существования души в ином облике переходят из стихотворения в стихотворение: "... Таго не ведаю я сам, // Чым яшчэ на гэты свет з'яўлюся...", "...Ты б мог прыйсці ў свет птушкаю, пчалой. // Ты б мог прыйсці бярозкаю, што ссёк, // Мурашкаю, што сок з пянёчка выпіла". Это действительно целая концепция соотношений жизни и смерти, в которой, несмотря на ее неординарность, нет ни тени мистики. Все образы воспринимаются естественно, они однозначно земные, без элементов фантастики.

Появление идеи перевоплощения душ, или, иначе, идеи реинкарнации в поэзии А. Пысина – еще одна загадка для исследователей его творчества. Прямые высказывания поэта об истоках этой идеи отсутствуют. В 1960—80-е гг. само слово “реинкарнация” и его конкретный смысл вряд ли были известны широкому кругу творческой интеллигенции. Возможно, на А. Пысина оказали влияние мифологические представления предков о бессмертии души. Известно, что в домашней библиотеке поэта было много фольклорных сборников, сам он интересовался народной песней, выдал небольшую, но по-своему оригинальную книгу “Бярозка ля кожных варот” о народных исполнителях Могилевщины и их песнях. Хорошо знакомый А. Пысина писатель Михаил Шулман в письме из Нью-Йорка (ноябрь, 2003 год), отвечая на мои вопросы, утверждает: “Разговор (А. Пысина. – Т. Х.) о превращении в иную сущность, например, в растения, несомненно, идет от фольклора. А начался он, помнится, с Расула Гамзатова (они вместе учились

на высших литературных курсах в Москве), со знаменитой песни на слова Расула “Мне кажется порою, что солдаты...”.

Упомянутые М. Шульманом литературные курсы, на которых А. Пысину пришлось учиться в 1956—1958-м гг., сыграли исключительную роль в становлении творческой личности поэта. Они повысили “общее образование и поэтическое мастерство”, как признавался сам А. Пысин в автобиографии “З родных крыніц”. Они оторвали от ежедневного быта, от тяжелых мыслей о незавидной жилищной неустроенности, которая преследовала поэта всю жизнь, ввели в мир искусства. В 1964-м году в автобиографии “Перажытае” А. Пысин писал о необходимости для начинающего поэта такого приобщения к творческой элите: “Тем, кто идет в литературу, должны подать руку старшие писатели, признанные мастера, потому что очень тяжело расти без присмотра”. По словам Петра Приходько, который учился в Москве на один год раньше А. Пысина, на поэтические спецкурсы обычно приглашали известных мастеров слова: Александра Твардовского, Ярослава Смелякова, Николая Асеева, Степана Щипачева, Веру Инбер и др. Поездка в Москву положила конец творческому молчанию А. Пысина (до учебы на курсах был издан единственный сборник “Наш дзень”, 1951), новые книги начали выходить одна за другой (1959 – “Сіні ранак”, 1962 – “Сонечная паводка”, 1964 – “Вясёлка над плёсам”, 1965 – “Мае мерыдыяны”). И все же А. Пысин никогда не был поспешным в написании произведений, он много работал над стихом и признавался: “Каторжное это занятие – писать стихи. Кажется, уже написал лучше всех, а утром, когда помотришь на свое творение еще раз, то сразу почувствуешь: работать и работать над ним еще надо...”. В 1969-м году А. Пысин открылся П. Кобзаревскому: “Пришла в жизни пора зрелости, когда хочется делать меньше глупостей, чувствуешь большую ответственность. Бывает, целый месяц пишу одно стихотворение”.

Плодотворности творческой деятельности А. Пысина часто способствовали поездки по Могилевской области в качестве журналиста. Печальные возвращения на места пережитых боев минувшей войны (Смоленщина, Брянщина, Прибалтика) откликались горькими воспоминаниями, и, в результате, рождались талантливые произведения. Как это было популярно в советские годы, поэт часто ездил на творческие встречи Союза писателей, выступал перед школьниками, студентами. После этих поездок и встреч нередко появлялись стихи-репортажи, упрощенные, такие же, каких не мало было и у других писателей. Тем не менее А. Пысину, в определенной степени оторванному от “светской” жизни столицы, очевидно, эти поездки были необходимы для связей с творческой интеллигенцией, возможно, и для поэтического вдохновения. “Все же нужно ездить... Нужно чаще вырываться из обжитых стен...”, -- говорил поэт своему другу Виктору Ракову.

Результатом одной из таких поездок – в Сибирь, по случаю творческой конференции, посвященной ленинскому юбилею, -- стал целый цикл стихов (1980), одержимых песнопений в адрес Ленина. В них Ленин – пророк и бог. Воздух, которым он дышал, улицы, где ступала его нога, -- святые. А. Пысин даже лексику выбирает церковную: “І кожны крок, і міг – як ачышчэнне, // Душы, пачуццяў, думак прычашчэнне”. Почему эти произведения появились у поэта, который был всегда сдержанным в похвалах существующей власти и ее руководителям (кроме нескольких ранних стихотворений)? Действительно ли он был взволнован поездкой в Шушенское, или подействовала хорошо продуманная пропаганда? Со слов Дм. Бугаева, А. Пысин знал реальный облик вождя народов, а М. Шульман сомневается в этом и считает, что “ленинские” стихи – это “выпад против его (Ленина. – Т. Х.) наследников”, карьеристов и бюрократов, которые не придерживаются заветов Ильича. Возможно, появлению стихов

поспособствовал заказ откуда-нибудь сверху? Однако А. Пысин никогда не был заказным поэтом. И снова загадки, и снова без определенного ответа.

Фрагменты воспоминаний друзей А. Пысина, которые касаются его отношения к политике коммунистов, дают возможность предполагать, что поэт не имел односторонней категорической позиции. Он был членом партии, но его сдерживало от бездумного поклонения социалистической идее знание драматических фактов, связанных с существованием советской власти. Михаил Пысин вспоминает, что родной дядя Алексея Васильевича был репрессирован в 1924-м году, а в 1935-м был бесосудательно арестован и выслан в Сибирь дед Петр Артемович. Безусловно, такие факты из семейной биографии хотя и не сделали А. Пысина диссидентом, но отразились в его душе надлежащим образом, создав драматическое раздвоение между “чырвоным сцягам і дід сельсаветаў”, который дал ему дорогу в жизнь, и кровавым отблеском этой “чырвані”. Можно сказать, что А. Пысин вдумчиво, временами даже критически относился к решениям партии. Так, взволнованный проведением мелиорации в Беларуси, он послал письмо П. М. Мацареву с протестом и просьбой остановиться. Ему ответили: “Товарищ Пысин, вы не понимаете политики партии в мелиорации...” (из воспоминаний В. Артемьева). Свою боль и тревогу поэт отдавал произведениям:

Шкадую, што я не ляснік,
Не мне перададзена стрэльба,
Часцей бы трывожыў я неба,
Каб лес мой, каб свет мой не знік...

Лес в творчестве А. Пысина окружен большой таинственностью. Это не просто художественный образ, это отдельный мир, микропространство, которое скрывает в себе тайны бытия, “вядомыя продкам”. Наши прадеды приходили к дереву, как к богу, “што праклён прымае і малітву”. Оказавшись в лесу, лирический герой А. Пысина необъяснимым чувством улавливает “боль продкаў”, гармонично сливается с природой и воспринимает себя частичкой необъятного временного течения. “У невядомасці лясной” герой ищет ответы на извечные тайны бытия и, близкий к пантеистическим представлениям, слагает молитву лесу: “Я веру ў гэты лес...”. В какое-то мгновение человек словно растворяется в пространстве леса, оказывается за чертой реального времени:

Ўсё лес і лес.
Далёка гул далёў,
Дарожны пыл, спяванне рэк...
...Адчулася – як быццам бы адзін
Зістаўся я на белым свеце,
Мяне забылі нават дзеці,
І я нічый ні друг, ні брат, ні сын...

В минуту, когда в душе переплетается “маё і лясное”, лирический герой постигает “сэнс вечнасці, пах яе, колер”. Разгадки тайны вечности не найти в одном определенном стихотворении А. Пысина, ее открытие – это все творчество поэта. Почти в каждом произведении развивается, уточняется мысль, что вечность есть крепкая взаимозависимая связь времен: прошлого, настоящего, будущего. “Вярбовы мост”, который поэт прокладывает от предков к потомкам, -- это неторопливый путь человечества в вечность. А. Пысин очень тонко чувствует целостность этого пути: и “Гамер з арэхавым кійком”, и “Талстой на коніку мышастым”, и “далёкі нашчадак” – “усё з

намі”, все в вечности. Временами создается впечатление, что лирический герой поэта принимает на себя всю тяжесть вечности: “Ўсё маё і ўсё са мной”, -- говорит он в одном из стихотворений. На сравнение напрашивается философская идея Федора Тютчева: “Всё во мне, и я во всём”. Строка А. Пысина похожа на тютчевскую даже ритмико-интонационной структурой. Только герой русского поэта и себя растворяет в мире “дремлющем”, и в себе видит целый мир. У А. Пысина внимание сконцентрировано на том, что человек как часть мира, природы, как звено в цепи вечности несет ответственность за гармонию в мире и в вечности. Нисколько не принижая свою личность, пысинский лирический герой постоянно чувствует вину за то, что не обладает большими силами, чтобы сделать мир лучше, чище:

Я...
...вядома, віначаты
Перад светам і людзьмі...
Пажадаў (даймала мара)
Свет засеяць дабрынёй.
Ды яе цяпер вось мала...

Творчество А. Пысина проникнуто чувством вины, лирический герой поэта временами бывает в отчаянии, что своей добротой не способен победить зло, которое в принципе не может быть исключено со структуры бытия. В художественном мире поэта добро и зло сосуществуют рядом как “цені змроку і святла”, но А. Пысин старается доказать, что “дабра больш сеецца, чым зла”. Он еще раз подчеркивает: жизнь человека, ее смысл заключается в пожертвовании миру, человечеству собственных “залацінак дабрыні”:

Дабра больш сеецца,

Чым зла.
Не кожны сейбіт. Суцяшэнне,
Магчыма, знойдзеца і ў тым,
Што сціпла ты паднёс насенне,
Згінаўся ў клопаце адным.

А. Пысин и в жизни был наделен отзывчивостью, самоотверженностью. “Он не мог пройти ни мимо радости, ни мимо горя”, -- таким запомнился поэт Петру Приходько. Ощущение собственной ответственности за существование доброты в мире не могло не отразиться на жизненной судьбе Алексея Васильевича. Конечно, годы поэта сократили и “глубокие шрамы на его теле после фронтовых ран” (из воспоминаний друга А. Пысина Ивана Аношкина), и нелегкая бытовая жизнь. Вместе с тем немаловажной причиной сердечной боли, из-за которой умер поэт (27 августа 1981 года), была полная самоотдача жизни, сопереживание невзгод близких людей.

Со смертью А. Пысина для исследователей появилась еще одна загадка: что поэт не успел написать, каких произведений не получила национальная литература? В последние дни жизни А. Пысин говорил друзьям о большом творческом вдохновении, о том, что хочется писать и пишется. В планах писателя была поэма о партизане Асмানে Касаеве. Критики советовали А. Пысину не писать поэмы, потому что его призвание – стихи. Но об этом произведении он говорил: “Выносил в сердце”, и хотел обязательно дать ему жизнь. А. Пысин искал выражение своих мыслей и в жанре драматургии. Об этом нигде не упоминается, так как проба была неудачной. Единственная пьеса писателя сохраняется в Могилеве у Ивана Аношкина. Относительно прозы, сам Алексей Васильевич считал, что его романы – в журналистских очерках.

Лирика А. Пысина стала наилучшим проявлением его таланта. Стихи поэта – это взаимосвязанные элементы целостного мира, который по праву называется “поэзия Пысина”. В ней много, на первый взгляд, несовместимого: языческие представления переплетаются со скрытыми христианскими мотивами и коммунистической моралью, национальное пересекается с интернациональным, земное с небесным, деревенское с городским. Однако при всем разнообразии, поэтический мир Алексея Пысина гармонично соединяет в себе самые неоднозначные мировоззренческие оттенки. Объединяющим фактором стала главная тайна бытия, которую разгадывал поэт на протяжении всего творческого пути: мир – это одно целое, гармония, где все взаимосвязано и все должно быть в равновесии, за что в ответе каждый человек.

Татьяна Хомич